

Размышления над новой книгой

© 2004 г.

Н. В. КОВОИЦЫНА

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ СЛАВЯНЕ НА ПУТИ К ПОСТМОДЕРНУ

КОРОВИЦЫНА Наталья Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, научный редактор журнала "СОЦИС".

Новую книгу нашего чешского коллеги, хорошо известного в России Милана Тучека (Социологический институт Чешской Академии наук) под названием "Как живете, словаки, как живете, чехи? 10 лет после развода"¹ без преувеличения можно назвать краткой энциклопедией жизни чехов и словаков посттрансформационного - и не только - периода. В серии, подготовленной М. Тучеком при сотрудничестве с фирмой MEDIAN, это уже третья работа (после "Чехи на пороге нового тысячелетия" и "Европа на пороге объединения", вышедших соответственно в 2000 и 2001 гг.). Его соавторами в данном случае выступают сотрудница этой фирмы и два студента факультета социальных наук Карлова Университета в Праге. На основе исследований с 1997 по 2001 гг. 15 тыс. чешских и 6,3 тыс. словацких домохозяйств представлена картина быта и нравов населения двух славянских стран, возникших на карте Европы в 1993 г. Убеденный эмпирик, М. Тучек предлагает беспристрастный баланс социальных и культурных перемен, случившихся в результате дезинтеграционных процессов рубежа 1980-1990-х гг. в той части континента, которую называют по-разному: восточной, центральной, центрально-восточной, средней. Содержащийся в книге анализ типологически близких отечественным процессам трансформации чешского, а особенно словацкого общества, важен для нас, переживших еще более драматическую версию аналогичной смены систем.

Работа выполнена в стиле наиболее перспективных на сегодняшний день культурологических исследований по социологии повседневности. В центре внимания находятся поведенческие, ценностные, ментальные различия - межнациональные и межпоколенческие - в переломный исторический период. Образ младшей и средней генераций (молодежь и родительское поколение) дополняется характеристиками их мужской и женской, городской и сельской, социальной и образовательной компонент. Книга - это «взгляд на общественную динамику сквозь "судьбы индивидов", когда за основу берутся массовые данные, касающиеся тысяч людей». В чешском обществе как ни в каком другом во второй половине XX в. отчетливо прослеживается 20-летняя периодичность развития, совпадающая с жизненным циклом трех поколений и этапами общественного развития, начинавшимися в 1948, 1968, 1989 гг. В книге М. Тучека и его соавторов достаточно умозрительные представления получают строгое количественное выражение.

Новые творческие подходы сочетаются с популярной формой изложения, рассчитанной на широкого читателя, только что пережившего поворотный момент

¹ Tucek M., Friedlaenderova H., Krivy M., Osusky M. Jak se mude Slovaci, ako se mate, Cesi? 10 let po rozchodu. Pr.: MEDIAN, 2003. 207 s.

в своей биографии и в истории страны. Например, названия глав звучат: "Предпринимательский бум, или об обновлении частного сектора в Чехии и Словакии в масштабе небывалом - что ни чех или словак, то предприниматель", "О наших корнях, или сколько из нас происходят из крестьянства, из села и о том, какими были уровень образования наших родителей и прародителей, их имущественное положение". Текст насыщен многочисленными таблицами, графиками, схемами, диаграммами. Однако нельзя сказать, что работа "чисто" социологическая. Она - историческая, демографическая и этнологическая. Возможно, именно по этому пути пойдет развитие знания об обществе и человеке уже в ближайшие годы, когда начнет уменьшаться дистанция между наукой и жизнью.

Обратимся к результатам предпринятого чешскими специалистами анализа. Он выполнен в связи с 10-летием распада Чехословакии, просуществовавшей как единое государство чехов и словаков 75 лет. Уже предыдущие исследования, проведенные М. Тучеком, показали, что, несмотря на распад, Чешская и Словацкая республики по-прежнему имеют между собой больше общего, чем другие европейские страны. Одна из глав книги начинается с фразы: "Как уже многократно сказано и написано, разделение государства было делом политиков, а простых людей никто не спросил, согласны они или нет". Что касается общественного мнения, то накануне "развода" к нему были склонны скорее словаки, однако уже год спустя, после его свершения они же чаще оценивали произошедшее негативно. Самых авторов удивляет отрицательная оценка развития Словакии населением республики после приобретения независимости. Социально недифференцированный критицизм словаков, однако, замечают они, не формирует античешских "фобий".

Существующие различия в отношении чехов и словаков к системным изменениям производны от стадийных несоответствий их стартовых цивилизационных, социально-классовых параметров, практически полностью преодоленных в период социалистической модернизации. В первой главе описывается процесс выравнивания социальных структур промышленной Чехии и явно аграрной Словакии, где у свыше 80% представителей нынешнего старшего поколения (65-летних) родители занимались сельскохозяйственным производством (в Чехии - у 55%). Выходцев из семей буржуазного происхождения в Чехии во всех поколениях вдвое больше, чем в Словакии (среди нынешних 65-летних соответственно 17 и 7,2%).

Соцмодернизация для восточной части страны обернулась первой волной индустриализации, для западной - уже второй. Доля рабочих в социальной структуре Чешских земель возрастала до начала 1980-х годов, в Словакии - до их конца; затем экстенсивное экономическое развитие двух республик для ЧР останавливается, для СР замедляется. Важную роль в ускоренном послевоенном развитии сыграло радикальное изменение отношений собственности. Если до 1940-х годов в частном секторе трудилось свыше 40% населения, то рожденные после 1930 г. уже почти никогда не начинали с него свой профессиональный путь. И третья черта социалистического типа модернизации - нивелирование доходов, прогрессирующее с 1970-х годов. Оно отвечало господствовавшим тогда представлениям о социальной справедливости по принципам "у всех одинаковые потребности" и "каждому по способностям". Минимально оплачивались самые феминизированные виды деятельности: разделение труда в обществе напоминало традиционный семейный его тип.

Такой путь развития, характерный для Чехии, Словакии и других стран "восточного блока", привел к высокой степени сходимости структуры экономической активности и остальных базисных параметров двух обществ к началу 1990-х годов. Однако именно тогда - вопреки, казалось бы, естественной логике - совершается раздел однородного по социальному составу населения государства.

А как же после 1989 г.? Авторы книги подчеркивают: "особенно после распада Чехословакии в обеих республиках происходили в сущности одинаковые изменения, но с разной интенсивностью". В течение всего лишь нескольких лет в Чехии и Словакии, где существовали небольшие различия в доходах, потреблении и уровне жиз-

ни, возникли сильно дифференцированные именно по параметрам уровня жизни общества. Изменились привычные "правила игры", представление о социальной справедливости. Приспосабливаться к последствиям трансформационного "шока" словакам оказалось трудней, чем чехам. В 1993 г. в критической финансовой ситуации - по собственной оценке - оказалось уже 37% чешских и 64% словацких домохозяйств. Даже в 2001 г. "только на питание и основные потребности" хватало денег в Чехии у половины семей рабочих и пенсионеров, пятой части высокообразованных квалифицированных специалистов и предпринимателей.

Как и в нашей стране, в Чехословакии 1991 г. был начальной точкой экспансии частного предпринимательства, а 1993 г. - ее кульминацией, когда каждый пятый взрослый гражданин включился в это "движение". Однако и по завершении радикальных реформ, как свидетельствуют результаты исследования, в соотношении доходов отдельных групп занятых с разным уровнем образования по сравнению с состоянием на конец 1970-х годов мало что изменилось. Лишь оплата труда рабочих в начале 1990-х годов в относительном выражении сократилась, хотя не произошло одновременного ощутимого роста заработной платы высокообразованных специалистов или профессионалов среднего уровня, равно как не изменилось и соотношение зарплаток мужчин и женщин (и в 1980-е годы, и теперь оно составляет 1 : 2/3). К меритократическим идеалам - если брать за основу уровень квалификации - ни ЧР, ни СР, по оценке авторов книги, так и не приблизились. Если же исходить из участия в принятии решений или ответственности за выполняемый труд, то есть принадлежности к предпринимательскому или управленческому слою, то здесь дифференциация доходов действительно произошла. Вряд ли, однако, это соответствовало целям "бархатной революции", тем более в стране, где проблема соответствия культурных и материальных параметров, а по сути - проблема положения образованного класса с 1960-х годов является для общества ключевой.

Другая важнейшая для чешской науки и самой чешской жизни тема - положение семьи. Интерес к этой теме со стороны социологов и в Чехии, и в Словакии больше, чем в России, а в последнее десятилетие второго демографического перехода данный интерес усилился. Традиционные семейные формы поведения, связанные с родственными отношениями, взаимопомощью и взаимосвязями членов семьи, более значимы для сельской и религиозной Словакии. Однако среди молодых чешских мужчин, как ни странно, оказалось больше, чем среди их словацких сверстников, сторонников традиционного разделения труда, когда муж является кормильцем и главой семьи, а жена ведет домашнее хозяйство. С такой своей ролью соглашаются словацкие женщины только самого старшего возраста. Если речь идет о своеобразном мировоззренческом бунте самого молодого поколения чехов, то в отличие от выступлений его в 1968 и 1989 гг. нынешний - антимодернизационный и неполитический, в ответ на демографическую революцию и демографический кризис: с 1994 г. естественный прирост в ЧР отрицательный.

Ориентации на семью и воспитание детей уже десятилетие противостоят ценности индивидуализма и потребительства. С 1992 г. началось снижение брачности, вызванное сменой ценностей, жизненных целей и стиля жизни, формированием, как пишут авторы книги, "новых образцов семейного, точнее несемейного поведения молодежи". Подобная переориентация для Словакии была особенно радикальной. В середине 1980-х годов между двумя республиками существовали значительные различия в оснащенности домохозяйств предметами длительного потребления. Однако еще до исторического перелома 1989 г. эта разница начала быстро исчезать, а впоследствии процесс межнационального выравнивания в оснащенности домохозяйств получил свое развитие, несмотря на неблагоприятную динамику зарплаток, растущую безработицу, субъективное ощущение различий в уровне жизни двух народов - не в пользу словаков — после раздела федерации. Подобное "расхождение" характерно и для нашей реальности. Как и у нас, в Чехии и Словакии сейчас человека оценивают больше по внешнему виду - одежде и обуви, которые служат свиде-

тельством его социальной принадлежности. Для нас, как и для словаков (но не чехов), в последние годы характерен "покупательский патриотизм", когда приоритет отдается отечественным товарам. Но есть и большое отличие в стиле жизни центрально-европейских славян, точнее в их распорядке дня от нашего.

Чешские авторы акцентируют, что даже по сравнению со словаками чехи спят на 15 минут (!) меньше и тратят сэкономленное на сне время на трудовую деятельность. А всего чехи проводят на работе на 43 минуты дольше. "Работающий мужчина" (как социальный тип) расходует на сон менее 7 часов в сутки. Он встает, как правило, до 6 часов утра, начинает трудовой день с 7 часов и завершает его в 16.00 (20% - в 18.00, 10% - в 19.00). "Работающая женщина" спит чуть дольше (7,5 часов), просыпаясь в 6.00, трудится с 7.00 до 15.00. Соответственно доход свыше 8 тыс. крон (примерно соответствует нашим рублям) преобладает у людей - независимо от пола, - живущих по распорядку дня "работающего мужчины".

Особенно интересны для последующих теоретических интерпретаций заключительные главы книги, где анализируется динамика ценностей, конкретные изменения в культурных характеристиках и менталитете двух народов под воздействием системных сдвигов конца XX в. Нельзя удержаться от изложения основных выводов, к которым пришел авторский коллектив в результате обстоятельных эмпирических исследований.

В середине 1980-х годов иерархию ценностей чехов и словаков возглавляли: семья и дети, спокойная жизнь, труд в хорошем коллективе. Между собой чехи и словаки различались главным образом по месту религиозной веры в их жизни. Но авторам удалось установить различие в значении, которое два народа вкладывали в общие для них ценности. "Образование" словаки понимали более утилитарно, неотделимо от успешной профессиональной карьеры, тогда как чехи - еще и от общественной активности, открываемых знанием возможностей самореализации. Ориентация на "деньги" у чехов связана с предприимчивостью и независимостью, у словаков - с обеспечением нормальной спокойной жизни. "Традиционный образ жизни" для чехов - это прежде всего межчеловеческая взаимопомощь и равенство, для словаков - вера в Бога.

В 1993 г. ключевое значение в обеих странах придавалось занятости, а свобода частного предпринимательства даже в то время не была общепринятой ценностью. И в Чехии, и в Словакии в одинаковой степени акцентировались материальные ценности - имущество, деньги, высокий уровень потребления. Анализ ценностных ориентаций, характерных для отдельных групп общества, показал, например, что рабочие - квалифицированные и неквалифицированные - недооценивают наиболее важные для двух наций семейные ценности. Эта недооценка отличает и жителей обеих столиц - Праги и Братиславы. Исследование многократно подтвердило, что взаимосвязь личного и общественного у чехов выше, а словацкая семья - более "закрытая" структура. Любопытно, что удовлетворенность состоянием общественной жизни среднего поколения чехов выше, чем словаков, которым трудней пришлось в период радикальной трансформации. Чешская же молодежь по отношению к существующим реалиям настроена менее позитивно, чем ее родители, а словацкая, напротив, более. Среди стратегий достижения успеха в обеих странах (но особенно в Чехии) отчетливо лидирует "везение". На втором месте - "хорошие друзья", но не как "клиентизм", "знакомства", "связи", на которые больше надежд возлагали словаки (4 место; в Чехии - 10-е). Господствует убеждение, что усилия, квалификация будут вознаграждены, но без использования знакомств этого не произойдет. Чехи как фактор успеха рассматривают еще и культурный капитал родителей, словаки - экономический. Рабочие, как показало исследование, не считают образование ключом к успеху в отличие от предпринимателей и специалистов. Интересно, чешский рабочий рассчитывает в жизни на везение и на деньги, а словацкий предприниматель, имеющий наемных работников, не видит путь к успеху в деньгах или в счастливом случае.

65% жителей Словацкой республики, но 44% - Чешской считают труд главным смыслом жизни. Но все не так однозначно. Меньшая важность труда для чехов объясняется авторами книги более развитыми постматериалистическими ориентациями

этого народа. Самые западные славяне переходят к новым видам жизненных ценностей, связанным с раскрытием их индивидуальности по мере относительного насыщения материальных потребностей и преодоления трансформационного "шока". "Живут для того, чтобы радоваться" на 10% больше чехов по сравнению со словаками. Это, однако, не исключает повышенной мотивации первых высокими заработками, открывающими возможность нового типа потребительского поведения. Труд наравне с активностью в свободное время в эпоху наступающего постмодерна все чаще рассматривается как игра, развлечение, соревнование, "преодоление самого себя". В поколении нынешних 20-летних значительно слабее представлена категория людей, считающих работу главным смыслом жизни. Причем словацкая молодежь отличается в этом отношении от остального, то есть старшего населения больше, чем чешская. Оценка труда как главного смысла жизни у 20-летних по сравнению с 50-летними ниже в ЧР на 11,9%, в Словакии - на 15%. Такое отношение к работе характерно сейчас для 56% в СР и 43,8% в ЧР. Общий сдвиг в сторону постматериализма по данному показателю в "менее развитой на старте" Словакии сильнее, чем в Чехии, которая по-прежнему ее опережает в этом смысле. Таким образом, чем позже случаются модернизационные и постмодернизационные сдвиги, тем быстрее они идут. Другой принципиальный вывод авторов: "ментальность молодых людей, живущих к западу и востоку от реки Моравы, ближе, чем у их родителей".

В заключительной части книги характеризуются особенности склада сознания двух народов. Словаки - менее мобильные, менее рациональные, менее оптимистичные, они более интровертны и маскулинны (отрицают равенство полов). Почти все (кроме приветливости) личностные качества населения обеих стран в той или иной степени определяются возрастом, то есть поколенческой принадлежностью. Больше различаются поколения, сформировавшиеся в одной стране, и ближе друг другу те, кто сознательную часть жизни фактически были гражданами разных стран, но находились в пространстве интенсивной культурной интеграции на европейском континенте рубежа веков. Причем межпоколенческие различия по всем параметрам, разумеется, больше в Словакии.

Интересны выявленные различия мужской и женской популяций. Как ни странно, современные мужчины более интуитивны, импульсивны и консервативны, женщины, напротив, рациональны и активны. Причем в Словакии "несходство полов" меньше, особенно в младшем поколении. Чешские мужчины остаются более доминантными (энергичными, напористыми) по сравнению с женщинами, однако это результирует их традиционно главенствующего положения в обществе: в ЧР они имеют больше шансов достичь высоких социальных и материальных позиций. В Словакии такая закономерность М. Тучеком не обнаружена. То есть словацкие женщины более амбициозные и пробивные, чем мужчины. Особенно активны, динамичны, уверены в себе молодые словачки. У них больше развиты "чувство свободы" и ответственность по отношению к своей, возникшей всего 10 лет назад стране. От культурных характеристик поколения своих матерей (40-54-летних) они очень отделились. И это неудивительно: в генерации дочерей в Словакии сложился по отношению к Чехии перевес высокообразованных, тогда как среди словацких матерей обладательниц неполного среднего образования еще значительно больше, чем в ЧР (32% : 20%). Само по себе достижение высшего уровня образования обусловлено наличием таких качеств, как активность, целеустремленность, решительность.

Молодые чешские женщины, напротив, менее "стабильны", то есть удовлетворены и уравновешены, склонны к недоверию и страхам, чем их сверстники мужчины. В целом же чехи все же "стабильнее", что объясняется лучшим экономическим положением их страны и относительно низкой безработицей. В Словакии это характерно скорее для молодого поколения - более современного, энергичного и демократичного, в частности, в вопросе женского равноправия. А именно эти качества служат залогом успеха в современном обществе западного типа, в которое трансформируется сейчас и чешское, и словацкое.

В СР ощутимей различия в ментальности не только полов, поколений, но и жителей города и села. Горожане этой страны сейчас более активны, рациональны, доминантны, приветливы и самоуверенны, чем чешские горожане. Что же касается состояния удовлетворенности жизнью и общего настроения, то они не связаны ни в той, ни в другой стране с местом жительства.

Как об особом феномене пишется в книге о молодых пражанах. По сравнению с молодежью других чешских городов пражская отличается пассивностью, иррационализмом, ригидностью в семейных отношениях, неприветливостью, нестабильностью и неуверенностью. В Словакии различия в менталитете горожан в такой степени не обусловлены поколенческой принадлежностью. Молодые жители Братиславы активной, общительной, уверенной, консервативной, чем, например, жители центра Восточной Словакии - Кошице.

Сами авторы книги поражаются различиям, существующим между молодежью Праги и Братиславы. Если в старшем поколении пражане более доминантны, то противоположная картина в младшем, сформировавшемся в эпоху, когда время - деньги, а Прага - "очень дорогой" город. Хотя ментальность молодежи обеих стран имеет много общего, это не относится к жителям столиц двух государств. Молодые пражане не более авторитарны, напористы и самонадеянны, чем жители других чешских городов, а как раз наоборот. По сравнению с родителями они менее удовлетворены своей жизнью. Менталитет молодых пражан служит отражением их негативного отношения к ценностям родительского поколения, его потребительским ориентациям. А Прага, утверждают социологи, "бесспорно в своих внешних атрибутах является символом потребительского стиля жизни". Можно предположить, что "внутренне" и "потенциально" это уже город западного постмодерна. По ментальности молодые пражане отличаются от всех остальных групп населения обеих стран, в том числе от своих братиславских сверстников. Только в их высокообразованных контингентах эти различия стираются.

Итак, социальная трансформация не завершается утратой власти компартией и переходом к рыночной экономике. Просто жизнь не стоит на месте, и "конец истории" так и не наступил. Современный мир не прекращает развития и став безальтернативным после прекращения существования "советской цивилизации", распада социалистической системы и смены вектора развития центральноевропейских участников "восточного блока" на западный. Национальные элиты по-прежнему не смущает, что исследования общественного мнения, во всяком случае, в Чехии, не демонстрируют однозначной массовой поддержки вступления в Евросоюз. Как бы то ни было, членство Чехии и Словакии в Евросоюзе М. Тучек и его коллеги характеризуют как настолько значительный перелом в развитии общества, что стало невозможным экстраполировать будущее развитие социальной структуры, уровня жизни, поведения людей на основе данных последнего десятилетия.

Мир - в том числе и славянский - неумолимо движется к культуре постмодерна в его единственной теперь западной версии. Как совершенно справедливо замечают чехи, каждая страна идет в этом направлении своим путем, индивидуально.

В конце книги содержится констатация, что в течение 10 лет самостоятельного развития чешское и словацкое общества (вопреки предшествующей тенденции развития) объективно отдалялись друг от друга по ряду структурных параметров - социально-профессиональных, доходных, оснащенности домохозяйств, что нашло отражение во взглядах, отношениях, ценностях людей. Эмпирически подтверждено существование различий в национальном менталитете чехов и словаков, влияющем на выбор их жизненных стратегий, хотя в младшем поколении значение этого фактора снижается.

А на вопрос "как живете?" М. Тучек и его молодые коллеги за чехов и словаков - на основе глубокого знания предмета, но и не без налета швейклизма - отвечают: "в целом хорошо".